

«Ну резали мы их, землю свою защищали»

Одновременно с погромами по их ТВ идут безумные репортажи о мирной жизни и «детях с цветами». Что на самом деле происходит в Киргизии — специальный репортаж нашего военного корреспондента Аркадия Бабченко.

Палкой с гвоздями город можно уничтожить почти полностью

На могиле сына. Кладбище в махале

Трассирующие снаряды от БМП

Бишкек. Аэропорт

Как и любая война, Бишкек живет слухами. Рассказывают о двух казненных в Оше милиционерах, которых выманили из ОВД и насадили головы на колья. Корреспонденту, который снимал казнь на камеру, снайпер попал в объектив. Поймали чеченку из Литвы со снайперской винтовкой и разорвали двумя машинами. Еще одиннадцать снайперов-таджиков, пришедших из Афганистана, то ли сожгли живьем, то ли просто растерзали. Киргизская диаспора в Москве выделила деньги на три самолета с погромщиками, они уже прилетели и уехали в Ош. Следующий погром будет двадцать третьего числа. До Оша не добраться, на Джелал-Абадском кругу бьют снайпера.

На улице собираются мужики с повязками на руках. На заборе плакат «Штаб самообороны». В клетке захлебывается от лая бешеный ротвейлер.

В полночь из редакции позвонила Юлия Полухина:

— Тот полковник, милиционер, который должен был тебя сопровождать по селам... Мне только что позвонили. Он поехал проверить обстановку, поговорить с людьми. В общем, водитель успел сбежать, а ему отрубили голову...

Ротвейлер в клетке совсем взблевывает от ненависти. Город пустой. Сопровождающего у нас больше нет.

* * *

— Лежать! Лицом вниз! Головы не поднимать! На пол, на пол я сказал!

В этот раз вписка на войну оказалась жесткой и с ходу, методом полного погружения. Самолет приземлился часов в семь утра. В аэропорту беженцев уже немного, человек пятьсот. Новая партия приехала из города на двух автобусах в сопровождении БТРа. В основном женщины и дети, киргизы.

Начальник УВД Ошской области Омурбек Суваналиев прислал машину, чтобы добраться до города — милицейскую буханку. Черт, не самый лучший транспорт для поездки через враждующие села с засевшими снайперами.

Ощерились стволами во все стороны, поехали. В этот-то момент Бабур, узбек, и позвонил: «Аркадий, вы уже в Оше? Помогите человека вывезти. В киргизском районе парень пятый день без воды и еды в квартире забаррикадировался. Вы журналисты, вы сможете туда проехать». Менты ехать отказываются:

— Он тебе кто? Никто? Знаешь, мы, конечно, не националисты, но первым делом вывозим своих. Приказ нужен.

Приказ поступил. Для спасательной операции Омурбек выделил китайский мини-грузовичок и отделение спецназа. Бойцы — ветераны расформированной киргизской «Альфы». Есть русские. Говорят, что за день по шесть-семь семей с той и другой стороны вывозят. Вчера вывезли больше всего — тридцать.

На перекрестках баррикады, везде сгоревшие машины, разгромленные магазины, сожженные дома. Бронетехника проносится на скорости. На броне вооруженные люди: кто в форме, кто в гражданском.

Операция по спасению. Эпизод

В киргизский район въехали с шумом: «Разойдись, разойдись, в стороны!» Пятиэтажка-хрущевка, вбегаем в подъезд, ищем нужную квартиру. На первом этаже открывается дверь, боец вскидывает автомат. Русская бабуля: «Сынки, вы что, меня пришли убивать?» Вбегаем наверх, стучу. Открывает парень, взгляд отсутствующий.

— Тебя спасти?

Кивает.

— Пошли.

Парень выходит на лестничную площадку и натывается на десять вооруженных киргизов. Лицо становится белее мела, в глазах только одно — все, они пришли.

И тут из квартиры выходят еще трое. Женщины. Черт...

Бойцы орут: «Головы замотать! Рубашки на головы! Бегом, бегом!» Бабы наматывают на головы какие-то тряпки, футболки. Последняя никак не может закрыть дверь, руки трясутся, роняет ключи, поднимает, снова роняет...

На улице уже начинают собираться люди. Бежим к машине. Узбеков кладут в кузов лицом вниз, орут, чтобы не высывались из-за бортов. Делаю снимок через стекло, в объективе обезумевшие женские глаза. С ходу вылетаем на главную улицу, навстречу двое молодых парней с арматурой в руках, у блокпоста небольшая толпа. Командир группы поднимает руку, улыбается, кричит что-то приветственное. При этом на скорости разворачивается и дает газу в обратную сторону.

Летим через город. Нам нужно в район железнодорожной станции, передать людей узбекам — выпустить их просто так на улице никто не решается. Показываются пакаузы. «Внимание, узбекский квартал!» Улица пустынна. Ни одного человека. Командир замечает за ларьками наблюдателя. Останавливаемся около пристанционного домика, бойцы прячутся за машиной, узбеков ставят во весь рост к стене. На мансарде здания университета, под крышей, замечаем движение, какой-то человек перебегает от окна к окну. Я тоже его вижу. Обстановка сразу накаляется: «Снайпер, снайпер!» Все на взводе. Предлагаю самому сходить к узбекам — я лицо нейтральное, мне все будет сделать проще. Командир группы говорит, что несет за меня ответственность, а потому пойдет сам. Встает во весь рост, идет за угол и громко, так, чтобы было слышно и на крыше университета, кричит:

— Если меня убьют, валите их всех на месте!

На поставленных к стенке женщин страшно смотреть. Протягиваю самой молодой, девчонке еще — лет пятнадцать, не больше, — бутылку воды. Она совершенно невменяема. Смотрит на меня, на воду, никак не может понять, что я от нее хочу. Понимает она только одно — ее привезли расстреливать.

— На, попей.

Берет воду, пьет. Потому что я приказал. В глазах полная покорность — сказали к стенке, встала, сказали пей, попила.

Наконец появляется представитель узбекской стороны, семья бегом бежит с ним через пути и исчезает во дворах. Мы запрыгиваем в машину и сваливаем обратно к зданию УВД.

Во дворе закуриваем. Смотрю на часы. Девять утра пятнадцатого июня две тысячи десятого года. Неплохое начало дня.

* * *

Вечером, уже побывав в узбекских махалях (кварталах), пройдя весь город от края до края, я понял, что все это в общем-то было хорошим спектаклем. Никаких снайперов у узбеков нет и быть не может. Никто бы на вооруженный до зубов киргизский спецназ не напал бы. Тем более в присутствии журналистов. Все можно было сделать проще и спокойнее, как это сделали на следующий день американские журналисты, которые на обычной машине просто вывезли из киргизского района троих детей. Потому что никакой войны здесь нет. Нет никакого противостояния сторон. А есть обычная банальная резня.

Ош. Слухи. «Сарт»

Все разговоры про третью силу, про сторонников Бакиева, про проплаченных людей с юга, про референдум, временное правительство и конституцию ведутся только в Бишкеке. Это другая планета. В Оше все жестче и прямее. Реальность — здесь. И она такова: все здесь — вопрос исключительно национальный. Этническая чистка. Чистка жестокая, кровавая. Друг другу отрубают головы, выпускают кишки и сжигают тела бывшие соседи. Религиозного подтекста тоже нет. В погромах сожгли даже одну мечеть.

Больше всего Ош напоминает варшавское гетто. Город принадлежит киргизам. Победившая титульная нация ходит по улицам, ездит на машинах, что-то покупает на рынках и в магазинчиках, занимается своими делами. Проигравшая нетитульная забаррикадировалась в своих махалях и в город не выходит вообще. Сколько их там, что они делают, чем живут, что вообще происходит за баррикадами, никто не знает. На узбеков не обращают внимания. Их больше не существует.

Назвать Ош городом невозможно. Это некая территория, поделенная на районы, отгородившиеся друг от друга поваленными деревьями, сожженными машинами, листами железа, автобусами и грузовиками. Абсолютное безвластие, анархия полная. Узбеки в город не выходят, киргизы отказываются подвозить к махалам.

Ни о какой стабилизации обстановки говорить не приходится. Полно вооруженных людей, которые прибывают из Бишкека. Частично это армия и силы МВД, которые хоть как-то пытаются наводить порядок. Но проблема в том, что значение здесь имеет только одно — национальность. Все остальное второстепенно. Не важно, какую должность ты занимаешь: начальник милиции, представитель по правам человека, представитель ООН, руководитель Красного Полумесяца — важно одно: кто ты? Если ты правозащитник киргизской национальности, значит, ты не правозащитник, а киргиз. А все силовики — киргизы.

Помимо силовых структур в город стянулось много вооруженных формирований с непонятно какими полномочиями. Это добровольцы, так называемое ополчение. Вместо того чтобы стать между кварталами разгородительной линией, формирования стоят на дорогах своими блокпостами и проверяют машины. По дороге в Нариман, узбекское село, три блокпоста через двести метров. Первый — армейский, с бронетехникой. Здесь стоят самые адекватные люди. Разговаривают вежливо, проверяют документы, осматривают машины. Показали изъятые за смену оружие — два десятка ножей, арматура, палки с гвоздями, палки с привязанными к ним ножами. Говорят, что оружие в основном узбекское. Пока досматривали машину, украли у нашего водителя телефон.

Второй — блокпост киргизского союза ветеранов Афганистана. Здесь стоят пятидесятилетние мужики. Вооруженные. Тоже более-менее адекватные, хотя и в меньшей степени, но зачем они здесь, по-моему, и сами не знают. И третий, практически на въезде в село, — какие-то непонятные гопники в полувоенной форме, с масками на лицах. Ведут себя очень агрессивно.

Такой вооруженной гопоты в городе много. Есть и чисто гражданские люди с автоматами. Пауза, продолжавшаяся примерно сутки после погромов, по моим ощущениям, начинает заканчиваться. Приехавшие люди агрессивны, готовы к действиям. Обстановка начинает накаляться. Вторично рванет обязательно, вопрос лишь времени.

Каждая сторона обвиняет другую. Киргизы говорят, что все началось с драки в казино, затем узбеки собрали толпу, пошли в педагогический университет и изнасиловали двадцать студенток. Двое молодых парней рассказывают, что узбеки перегородили улицу баррикадой, тогда они взяли прутья и снесли баррикаду, «ну резали их там, землю свою защищали». Однако все сожженные дома — узбекские. На киргизских же либо висит табличка, либо написано краской: «кыргыз» — то есть собственность принадлежит киргизу. Весь город исписан призывами, самое часто встречающееся слово — «сарт». По-киргизски — «смерть».

Махаля «Хиросима». Резня и погромы

Узбекские кварталы называются махали. Махалей в городе около десятка. Некоторые находятся прямо в центре, некоторые на окраинах. За баррикадами дежурят мужики, вооруженные палками с гвоздями и ножами. Женщин и детей все кто смог отправили на границу.

Для описания махалей лучше всего подходит слово «Хиросима». Что здесь происходило, представить страшно. Местами кварталы разрушены полностью — не только вдоль улиц, но и вглубь. Вонь пожарищ, рухнувшие крыши, сгоревшие стены, балки, ворота, поваленные фонари, остовы сгоревших машин, провода — через все это приходится перелезать, карабкаться, обходить, все это перемешано, засыпано пеплом, прострелено и пожжено.

Мы идем по махале «Областная». Узбеки рассказывают, как они оборонялись. За несколько дней до погромов в городе был объявлен комендантский час. На киргизов он практически не распространялся. Таким образом узбеков загнали внутрь махалей. Утром перед погромом в «Областную» зашли двое. Спрашивали, есть ли оружие, сколько проживает человек. А сам штурм начался через пятнадцать минут после начала намаза, когда большинство мужчин было в мечетях. Первым шел БТР или БМП, за броней двигались люди в военной форме с оружием — утверждают, что солдаты, — за ними шли уже погромщики с дубинами и садовыми опрыскивателями, залитыми бензином. Говорят, текли, как река, не меньше тысячи человек. Штурмовавшим удалось пройти примерно с полкилометра широким фронтом. Эти полкилометра уничтожены полностью. Просто стерты с лица земли.

Я видел много разрушений. Я видел Грозный после бомбардировок. Я видел Цхинвали после «Градов». Я видел чеченское село Зоны, снесенное артиллерией полностью, одни печные трубы, как в Хатыни. Все эти города и села были разрушены, но разрушены они были пятисоткилограммовыми бомбами, стопятидесятидвухмиллиметровыми снарядами, реактивными установками залпового огня и танками.

Но от того, что может сделать толпа мужиков, вооруженных дубинами, волосы на загривке встают дыбом.

Самое страшное оружие — не танк. Самое страшное оружие — начиненная гвоздями палка.

Потом узбекам удалось сгруппироваться, и они погнали толпу обратно. Как они смогли это сделать, непонятно. Здесь был настоящий бой. Как сказал узбек Эрик: «Что-то я совсем дурной стал, как с дубиной на БТР побегаешь, с головой происходит что-то странное».

На этой улице погибло тридцать — сорок человек. Большинство — от пулевых ранений. Показывают две

пятиэтажки, с которых стреляли одиночными, и пулевые пробоины от выстрелов. Траектория совпадает. Значит, снайперы все же были. Показывают одно пятно крови, засыпанное песком, — старик вышел на крыльцо, пуля попала в район сердца. Второе пятно крови — здесь погиб Мамаджанов Нуримахмад, 1967 года рождения, пуля так же попала в район сердца. Джорабаев Шакир просит сфотографировать на фоне своего сожженного дома. Брошенный грузовик, на котором приехали погромщики, — заглох, сожгли. Все как один утверждают, что на второй день была SMS-рассылка примерно следующего содержания: «Узбекистан узбекам помогать не будет, вали всех».

Около школы имени Льва Толстого пожилой человек показывает место, где погиб его тридцатилетний сын. Показывают, где был сожжен человек, утверждают, что заживо.

— Откуда взялась такая жестокость?! — кричит молодой парень. — В Азии никогда не было обычая отрубать врагам головы или сжигать трупы. Откуда это? Молодежь телевизора насмотрелась?

Приносят три трассирующих снаряда от БМП. Значит, в штурме участвовали не только два угнанных погромщиками БТР, но и другая техника.

На кладбище двадцать пять свежих могил. В шести или семи из них хоронили по двое. Думаю, это средний показатель, на кладбище махали «Черемушки», одной из наиболее пострадавших, тоже около двадцати могил. Всего погибло несколько сот человек, о тысячах речь точно не идет.

Гуманитарной катастрофы пока не наблюдается, водопровод в махалях работает, мука тоже есть — основная еда здесь лепешки, — но насколько ее хватит, сказать трудно. Гуманитарка доставляется, но проблема в том, что доставляется она в город, а в город выхода нет. Какая-то часть в махали все же попадает.

Махали разобщены, что происходит в соседней, люди зачастую узнают от журналистов. Информации в гетто не поступает, деньги на мобильник можно положить только в городе. Единого лидера у узбеков также нет, каждая махаль существует сама по себе. Мы побывали в трех или четырех из них, везде примерно одно и то же, уровень разрушений одинаков.

В одной из махалей встречаемся с вывезенным нами парнем. Зовут его Авас. Рассказывает, что все началось с сильного взрыва под окном. Затем улица два дня принадлежала погромщикам. Заперлись в квартире, свет не включали, боялись каждого шороха. К окну не подходили. Все два дня на улице постоянно кричали. Один раз постучали и в их дверь, но соседи не выдали, не сказали, что здесь живет узбек. Женщины — его семья: мама, жена и дочь. Их он уже отправил на границу. Сам остается здесь.

Таких людей, запертых в чужих кварталах, осталось еще много. Речь идет о десятках или даже сотнях с обеих сторон, хотя в большинстве своем это, конечно же, узбеки. Властям узбеки не доверяют, просят о помощи журналистов. При мне вывезли еще троих детей и женщину. Сколько такие люди еще смогут протянуть взаперти и насколько у них хватит продуктов, неизвестно.

Выхода из этой ситуации никакого не предвидится. На вопрос, что дальше, узбеки отвечают, что никуда не уйдут, будут сидеть до последнего. Однако каждый раз находится один-два человека, которые говорят, что теперь будут убивать киргизов до конца своих дней.

Если не принимать мер, то такие погромы будут происходить регулярно, с каждым новым поколением. Сейчас какая-либо третья сторона должна ввести сюда миротворческие войска. Пока такой третьей стороной, которой доверяют и киргизы, и узбеки, является Россия. Она реально может влиять на ситуацию. Но это должно быть исключительно под эгидой ООН, потому что в ином случае может активизироваться исламский фактор, и после первого же погибшего российского солдата мы получим здесь второй Афганистан. Однако, по словам представителя ООН, официального запроса от Киргизии пока не поступало.

* * *

Информацию о гибели нашего проводника начальник УВД Ошской области Омурбек Суваналиев подтвердил. Звали его Адыл Султанов, начальник Карасуйского УВД. Выехал из Каскар-Кишлака в Нариман и где-то по дороге погиб. Где — никто не знает, кто убил, тоже неизвестно. Тело было выловлено в реке, без головы, но с документами. Голову так и не вернули. Водитель вроде бы тоже погиб. Всего, по словам Суваналиева, за четыре дня было убито семеро милиционеров.

Едем в Нариман в попытке прояснить ситуацию. На киргизском блокпосту останавливают. Человек десять, в масках, озлоблены, ведут себя очень агрессивно. Один из них поднимает автомат и что-то орет. Как потом

рассказал наш водитель Саша, парень кричал, чтобы мы выходили из машины и убирались к чертям собачьим. Саша отвечает, что мы журналисты. Нас подзывают:

— Фотоаппарат есть? Идите сюда, снимайте. Вот, снайпера поймали, у него деньги и патроны. Снимайте, снимайте.

Около своей машины стоит узбек, руки на капоте. Нам показывают деньги, которые у него были — в переводе на рубли если тысяч пять наберется, и то хорошо. Патроны оказываются строительными. Я не снимаю, говорю, чтобы не занимались ерундой и отпустили человека.

На следующий день узнаем, что через час после нашего отъезда люди в масках напали на узбекский блокпост, избили людей, некоторых арестовали. Человека со строительными патронами увезли в неизвестном направлении, вестей от него больше не было. Речь о расстрелах пока не идет, скорее всего, забрали для выяснения личности, но в то, что его вернут без выкупа, никто не верит.

Самолеты и взятки

До гостиницы подвозят двое киргизских ветеранов — «альфовцев». Ночь проходит спокойно. Слышны лишь одиночные выстрелы. Вчера, говорят, работал гранатомет.

Утром хотим уехать в Джелал-Абад, но Омурбек машину не дает, а киргизы ехать через узбекские села отказываются напрочь. В полдень поступает информация, что толпа громит центральный рынок. Как только подъезжаем, на рынке начинают стрелять. Торговки — молодые девчонки в халатах — разбегаются пригнувшись. Заходить в лабиринты контейнеров, смотреть, кто и в кого там стреляет, нет никакого желания. Говорю водиле: «Давай, разворачивайся, поехали отсюда».

Ну его на хрен. Устал я что-то от этой Азии. Двух дней хватило выше крыши. Слава богу, что всего, что здесь происходило, своими глазами я не видел. Баб зачем поубивали? Старух? Детей пожгли?

Начальник аэропорта Виссарион Алексеевич Ким, православный кореец, живущий в Киргизии, сажает нас на дипломатический борт. Виссариону нужно ставить памятник. Посреди бардака человек делает свое дело, принимает и отправляет дальше в город гуманитарку, вывозит беженцев, находит людей на погрузку, достает машины. Святой.

В Бишкеке выясняется, что цена на билеты до Москвы выросла в два раза. Экономкласс «Аэрофлота» стоит шестьсот баксов. Суки! Достать билеты можно только через бакшиш, на этой войне наживаются все, кто может. Нас отправляют разговаривать с «хозяином рейса». Очень точное определение. Взятку даем прямо у окошка «горячей линии против коррупции».

В кафе, куда зашли перекусить, работал телевизор. Молодая красивая девочка на киргизском канале вещала о том, что «мирная жизнь в городе Оше налаживается, люди безбоязненно ходят по улицам, дети несут цветы». Стояли с отвисшими челюстями, слушали. Обитаемый остров.

Какие дети? Какие цветы? Какая мирная жизнь на улицах? О чем этот бред? Вы революцию-то зачем делали?

Вечером в ресторане сели поесть. По сути, впервые за два дня. Принесли лепешку. Есть не смог. На тарелке с золотой каемкой, стоящей на белоснежной скатерти в хорошем ресторане, лепешка смотрелась кощунственно.

Автор: Аркадий Бабченко © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 11009 21.06.2010, 18:40 ↗ 1075
URL: <https://babr24.com/?ADE=86640> Bytes: 20432 / 20057 Версия для печати Скачать PDF

👍 Пореккомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

